

ЧЕХОВСКІЙ ≡

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ.

1860 $\frac{17}{\text{ЯНВАРЯ}}$ 1910.

Страницы о Чеховъ.

Jules Legras.

(Изъ непереведенной книги „Au pays russe“, изд. 1892 г.)

Одинъ изъ самыхъ видныхъ писателей молодого поколения, Антонъ Павловичъ Чеховъ, владѣетъ имѣніемъ недалеко отъ пастъ. Въ пасмурный воскресный день, захвативъ съ собой ружье, я отправился его навѣстить. Я перешелъ въ бродъ рѣчонку, пробрался сквозь океанъ грязи, наполняющей деревню „князя“, нашего сосѣда, затѣмъ пошли поля и лѣса, и вотъ, наконецъ, мѣстечко Мелихово. Миѣ указываютъ большой березовый садъ, я вхожу и, побродивъ по деревенскому двору, гдѣ за мной мечется стая заливающихся собакъ, нахожу, наконецъ, домикъ хозяина. Онъ выходитъ ко миѣ навстрѣчу своей медленной походкой, въ сопровожденіи двухъ церемонныхъ, смѣшныхъ таксъ. Ему лѣтъ тридцать съ небольшимъ; онъ высокаго роста, стройный, съ яснымъ лбомъ и длинными волосами, которые онъ отбрасываетъ назадъ машинальнымъ движеніемъ пальцевъ. Взглядъ у него прямой, пыливый, открытый и въ то же время очень лукавый. Въ обращеніи онъ нѣсколько холоденъ, но непринужденъ: очевидно, онъ разсматриваетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и чувствуетъ, что я тоже его изучаю. Скоро, однако, первая неловкость проходитъ; мы говоримъ о томъ, что французы знаютъ о русскихъ, а русскіе — о Франціи, и горячо споримъ. Я упрекаю русскихъ въ томъ, что они не относятся къ намъ серьезно, уважаютъ только Германію, а Францію считаютъ огромнымъ увеселительнымъ учрежденіемъ, центромъ котораго является, смотря по средствамъ, Moulin Rouge или Jardin de Paris. Съ своей стороны, Антонъ Павловичъ, какъ и многіе другіе русскіе, убѣжденъ, что мы презираемъ ихъ и про себя называемъ „варварами“.

— А не пойти ли намъ по грибы?—предлагаетъ онъ вдругъ. Мы направляемся въ садъ. Таксы сразу становятся веселѣе и бѣгутъ впередъ, играя въ травѣ.

— Вотъ видите, вдоль забора вы найдете красные грибы, а тамъ, подъ березами, пойдутъ бѣлыя.

И, склонившись къ землѣ, очень занятые сборомъ грибовъ, мы продолжаемъ бесѣдовать о серьезныхъ вопросахъ.

— А зимой вы тоже здѣсь остаетесь, Антонъ Павловичъ?

— Нѣтъ, зимой я уѣзжаю въ Петербургъ или Москву и тамъ живу...

Возвращаясь, я думалъ о положеніи русскаго писателя, какъ Чеховъ, и писателя нашихъ странъ. Безъ большого труда первому удалось приобрести имѣніе въ нѣсколько сотъ гектаровъ, съ полями и лѣсомъ. Его садъ, хлѣвъ и птичій дворъ могли бы его въ крайнемъ случаѣ прокормить. Лѣсъ даетъ ему отопленіе. И если положеніе рынка не позволяетъ ему получать достаточный доходъ отъ хозяйства, у него все же есть уголь, есть кровь, гдѣ онъ можетъ приютиться со своими близкими и прожить безъ большихъ расходовъ въ ожиданіи лучшихъ дней.

* *

Я снова побывалъ у Чехова. При первомъ посѣщеніи онъ мнѣ показался такимъ привлекательнымъ, что у меня была потребность увидѣть его еще разъ.

На этотъ разъ встрѣча носитъ болѣе простой, болѣе открытый, болѣе сердечный характеръ. Я уже довольно долго бродилъ по деревнямъ, и болѣе интеллигентный разговоръ, чѣмъ тѣ, которыми мнѣ приходилось довольствоваться въ моихъ скитаніяхъ, сталъ для меня насущной необходимостью. Я нашелъ его здѣсь въ той же простой, милой, непринужденной обстановкѣ, которая придаетъ такую прелесть самымъ обыденнымъ проявленіямъ русской жизни. И мы бесѣдуемъ...

Раньше чѣмъ перейти къ литературѣ, Чеховъ занимался медициной. Онъ врачъ, но практикуетъ только лѣтомъ, въ деревнѣ, помогая окрестнымъ крестьянамъ. Я всегда очень любилъ общество интеллигентныхъ врачей. А если они возвышаются до литературы, до хорошей литературы, то они быстро завоевываютъ мои симпатіи. Практическій смыслъ и трудность медицинскихъ наукъ накладываютъ глубокую печать на умственный образъ человѣка. Нельзя безнаказанно отдаваться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ самымъ серьезнымъ вопросамъ, связаннымъ съ проблемой человѣческой жизни. Писатель, изучавшій медицину, сохраняетъ, большей частью, строгій и серьезный складъ мысли. Его предста-

вления менѣе расплывчаты, чѣмъ у профессиональнаго писателя, потому что ему приходилось ближе подходить къ кореннымъ вопросамъ жизни. Въ то же время окружающая дѣйствительность придаетъ его утвержденіямъ гибкость и разнообразіе. Только кабинетные философы формулируютъ „вѣчныя“ истины. А кто видѣлъ, какъ течетъ и мѣняется жизнь, тотъ сохраняетъ въ своихъ сужденіяхъ больше мягкости и снисходительности. Къ этимъ людямъ принадлежатъ и Антонъ Павловичъ. Вотъ почему, вѣроятно, мнѣ такъ нравится его капризная бесѣда, постоянно переходящая съ одного предмета на другой. Къ тому же онъ за мпогимъ слѣдилъ и многое видѣлъ.

Послѣ веселаго семейнаго обѣда я лежу на диванѣ въ сто кабинетѣ, и раньше, чѣмъ заснуть, взоръ мой неопредѣленно блуждаетъ по комнатѣ. По стѣнамъ библіотечныя полки съ нагроможденными на нихъ безъ системы книгами по медицинѣ и литературѣ. Кругомъ разставлены бездѣлушки изъ тонкой бронзы и слоновой кости, вывезенныя съ Дальняго Востока. На подоконникѣ большого окна—склянки съ лѣкарствами. Кое-гдѣ портреты, въ томъ числѣ портретъ Толстого. На стѣнѣ, надъ диваномъ, гдѣ я лежу, миниатюрная акварель, изображающая лужайку съ тремя березами, серебристые стволы которыхъ вырисовываются на красномъ фонѣ послѣзакатнаго неба.

Талантъ Чехова не отличается широкимъ размахомъ, но обладаетъ своеобразной силой экспрессіи и реальности. Сквозь раскаты смѣха въ немъ чувствуется горечь, и чтеніе его рассказовъ отнюдь не создаетъ бодрого настроенія. Я знаю мало авторовъ, произведенія которыхъ вызывали бы болѣе жгучее сознание неумолимаго однообразія жизни. Сѣрую, безпросвѣтную жизнь, вяло текущую заведеннымъ порядкомъ, жизнь безъ широкихъ горизонтовъ, этотъ идеалъ мелкихъ людишекъ, эту попытку познавшихъ безпокойство сердцецъ,—вотъ что безъ-устали рисуетъ Чеховъ. Если бы его штрихи были ярче очерчены, его рассказы нельзя было бы читать; но онъ съ тонкой и безстрастной жестокостью рисуетъ мелочи будничныхъ жизней, на которыя онъ неожиданно бросилъ лучъ свѣта. А когда все такъ же неожиданно возвращается въ мракъ, какое-то чувство подсказываетъ вамъ, что эти будни будутъ тянуться до безвѣстной могилы.

Перев. В. Майеръ.